

Мо Чэнь чувствовал, как у него слегка защипало в носу. Ему казалось, что взгляд главы стал еще холоднее и безжалостнее, чем прежде, начисто лишенный всякого тепла, словно всего человека насквозь пронизывал этот проклятый ледяной дождь. Он потянул Мо Яо за рукав:

— Глава, идет дождь, давайте сначала зайдем в лагерь и переждем, а когда дождь прекратится, тогда и отправимся!

— Пустяки, — Мо Яо приподнял руку и отмахнулся, стоя к нему спиной. — Дождь слабый, можно полететь.

— Глава, к чему такая спешка? Вернемся, и я сам во всем разберусь с информацией!

— Мм, — шаги Мо Яо не замедлились. — Сначала проверь прошлое того парня по имени Нила, как вернешься.

Мо Чэнь то и дело кивал. Даже если бы глава не отдал приказ, он все равно стал бы копать. Тот самый Нила при первой встрече выглядел донельзя честным и простодушным, настоящим робким тихоней. Если бы не увиденное сегодня собственными глазами, он ни за что бы не поверил, что этот тщедушный коротышка посмеет исподтишка выстрелить в Мо Сяобай!

— Глава, как думаешь, при каких обстоятельствах Мо Сяобай вообще познакомился с Нилой?

Мо Яо слегка приподнял брови, храня молчание, и Мо Чэнь решил, что обязан доложить обо всем подробно.

— Однажды во время пробежки по джунглям мы наткнулись на него: он лежал на земле и бился в судорогах. Все курсанты боялись опоздать и навлечь на себя наказание, так что никто не остановился. Когда мы пробежали мимо, Мо Сяобай глазастым оказался — заметил, что тот уже при смерти, и сразу бросился проверить, в чем дело.

Тогда у Нилы было совершенно белое лицо, лоб покрыт густым холодным потом, а одежда насквозь вымокла. Когда мы подняли его, он уже потерял сознание, не мог связать и двух слов, а в конечностях не осталось ни капли сил — какая уж тут дорога обратно в тренировочный лагерь!

Мо Сяобай сжал зубы и велел мне взвалить его на спину! — дойдя до этого места, Мо Чэнь заговорил с заметной обидой в голосе. — Я притащил его в лагерь, а врач после осмотра сказал, что у него желудочные спазмы из-за долгого голодания, слизистая желудка уже сильно изъязвлена, требуется немедленная операция.

Позже мы узнали, что он только-только попал в лагерь, не выдерживал таких нагрузок и уже несколько дней подряд подвергался наказаниям, оставаясь вообще без еды! Вторая госпожа тоже навещала его и велела продолжить тренировки только после полного восстановления, но он не послушался. Едва научился вставать на ноги, как снова поплелся на тренировки.

Мо Чэнь скривил губы:

— Тогда я даже зауважал его, настоящий мужик был. И Мо Сяобай частенько делился с ним своими булочками, боялся, что тот снова упадет в голодный обморок — если бы никто не заметил, он ведь запросто мог сдохнуть прямо в джунглях!

Тут Мо Чэнь разъярился:

— Как же хорошо Мо Сяобай к нему относился! Я сам тех булочек сроду не пробовал! И подумать только: этот Нила мало того что неблагодарный негодяй, так он еще и в спину ему выстрелил! Какая же мерзость!

Мо Яо какое-то время молчал, слегка прищутив глаза:

— Быть может, и впрямь случайный выстрел.

Мо Чэнь вспыхнул:

— Глава! Ты что, и сам веришь этому Ниле? Да быть такого не может! Ни за что не поверю, хоть убей!

Мо Яо взглянул на него:

— Первый выстрел, пожалуй, да. А вот второй... целился вовсе не в Мо Сяобая.

Мо Чэнь остолбенел. Что значит — не в Мо Сяобая? Неужели...

Он торопливо шагнул вперед и спросил:

— Глава, что ты имеешь в виду? Что значит — не в Мо Сяобая? Неужели вторая пуля предназначалась тебе? Разве тот Нила тебя не знает?

Мо Яо хранил молчание. Даже когда они оба поднялись на борт самолета, Мо Чэнь так ничего и не понял, однако глава больше не произнес ни слова, лишь велел ему по возвращении заняться тщательным расследованием.

Мо Чэнь ломал голову, пытаясь докопаться до истины, но так и не смог взять в толк, с чего бы главе говорить такое. В конце концов он махнул рукой: хватит ломать голову, вернется, проведет расследование — и само собой всё узнает!

Он повернулся и с ухмылкой произнес:

— Глава, с тех самых пор, как мы спасли Нилу в джунглях, я понял: хоть Мо Сяобай и придурок с барахлящей башкой, сердце у него на самом деле доброе. Почему я раньше этого не замечал?

Мо Чэнь сглотнул слюну и продолжил допытываться:

— Глава, а ты раньше замечал?

Его вопрос прозвучал несколько туманно — по крайней мере, он сам считал его туманным. На самом деле ему хотелось спросить: глава, неужели ты тоже это заметил, потому-то Мо Сяобай тебе и полюбился?

Мо Яо тихонько усмехнулся. Замечал ли он? С самого детства он никогда пристально не изучал Мо Сяобая и уж точно не менял к нему отношение в одночасье из-за какого-то конкретного поступка.

В его сердце Сяобай всегда был именно таким. Добрым или не очень, беззаботным или расчетливым — это его Сяобай. Понимание Мо Сяобая казалось ему чем-то врожденным, не требующим ни раздумий, ни каких-то новых открытий.

Где-то в глубине души жило стойкое ощущение: стоило Сяобаю появиться на свет, он уже

должен был выглядеть именно так — до боли знакомым, самым любимым.

Самолет рассекал темные грозовые тучи, бесшумно продвигаясь сквозь пелену дождя. Мо Яо устремил взгляд за окно: Мо Сяобай, неужели в прошлой жизни я и вправду перед тобой в долгу?

Именно поэтому в нынешней твоя доброта стала для меня жестоким испытанием?

Заметив, что глава умолк, Мо Чэнь тоже прервал разговор. Помолчав немного, он вдруг вспомнил кое о чем и нерешительно спросил:

— Глава, почему ты каждый год на день рождения даришь Мо Сяобаю карманные часы?

Мо Яо на мгновение замер:

— Ему все равно больше ничего не нужно.

Чернильно-темная пелена ночи расстилалась повсюду, укутывая серебристые крылья самолета. Время словно застыло в этой глубокой тьме, лишая ориентации и приводя в легкое головокружение.

Наивное лицо Мо Сяобая запечатлелось в ночном небе навечно.

Черты лица Мо Яо чуть смягчились.

Сяобай, сколь долгими ни были бы года, я буду ждать тебя.

Пусть даже целую вечность.

Ты даже не представляешь, как я счастлив. Счастлив тому, что с самого твоего рождения могу неотлучно стоять за твоей спиной.

И ты не знаешь, как сильно я себя ненажу за то, что в этой жизни мне не дозволено любить тебя открыто, и остается лишь бережно, до боли в сердце, прятать тебя в тайниках своей души.

Мо Чэнь сидел рядом, глядя вслед взгляду Мо Яо за окном. Огни самолета превращали клочья грозовых туч во что-то призрачное и манящее, похожее на тени далеких звезд, мерцающих глубоким, безмятежным светом. Он отвел глаза и посмотрел на главу. В голове снова и снова вертелась одна-единственная мысль, от которой никак не удавалось избавиться.

Каждое мгновение тоски по тебе — это одиночество, которое принадлежит только мне.

Глава, ты ведь это имел в виду? Вот почему ты снова и снова дарил Мо Сяобаю карманные часы?

Мо Чэнь мысленно вздохнул: эх, глава, с такими-то заумными намерениями разве этот дурачок Мо Сяобай когда-нибудь что-нибудь поймет? Глава, я ведь за тебя всей душой переживаю!

Эпохи сменяют друг друга, годы мчатся вихрем.

Неважно, в одиночку ли ты проглатываешь собственную ледяную тоску или натягиваешь улыбку, притворяясь, будто тебе наплевать на всё на свете — время никогда ни для кого не останавливается.

Изящная чисто золотая ручка крепко сжималась в его пальцах, крупницы времени тихонько ускользали сквозь межпальцевые промежутки, и незаметно пролетел целый год.

Тук-тук-тук...

Ритмичный стук в дверь нарушил тишину кабинета. Мо Яо глубоко вздохнул и поднял взгляд на вход, словно все его ожидания за целый день были лишь ради этого мгновения.

Мо Чэнь с сияющей улыбкой шагнул внутрь:

— Глава, я вернулся!

— Мм, — кивнул Мо Яо. — Вещи передал?

— Да, всё доставлено.

Пару секунд царила тишина. Увидев, что глава молчит и не отпускает его, Мо Чэнь озадаченно почесал затылок, мысленно начиная тревожиться.

За этот почти прошедший год мысли главы становились всё непонятнее, слов — всё меньше, а ледяная аура вокруг него — всё удушливее. И сейчас, когда глава вот так сидел молча, Мо Чэнь чувствовал себя так, будто его сейчас окончательно заморозят.

Он робко подал голос:

— Глава... э-э, есть еще поручения? Если нет, то я пожалуй...

Не успел Мо Чэнь договорить, как Мо Яо бросил на него легкий, но пронзительный взгляд холодных глаз, от которого парня прошиб пот. Мозг тут же заработал на предельных оборотах:

— Точно! Глава, я только что вспомнил: я еще не обо всем доложил!

— Говори.

Услышав наконец голос Мо Яо, Мо Чэнь торопливо затараторил:

— Глава, я вручил булочки Мо Сяобаю. Видел бы ты, как он, словно заправский воришка, прятал их по одной! Вторая госпожа точно не обнаружит.

Когда Мо Сяобай получил булочки, он прямо весь засиял, глаза загорелись, чуть ли не целиком их в рот запихнул!

Мо Сяобай ведет себя по-старому, ни о чем не беспокоится, вторая госпожа его в последнее время не наказывала.

В прошлый раз Мо Сяобай снова сдал экзамены лучше всех в лагере, теперь никто не смеет смотреть на него свысока!

Новых друзей не завел, ссор не устраивал, ведет себя тихо и послушно.

Мо Сяобай...

Мо Чэнь призадумался: а что еще вытворял Мо Сяобай? Как он там в прошлом месяце нес свой груз? Что-то вылетело из головы.

Мо Яо сидел за столом с прямой спиной, приподняв брови и явно ожидая продолжения. Мо Чэнь перевел глаза и кашлянул:

— У Мо Сяобая вообще всё в полном порядке!

Мо Яо отвел взгляд и чуть заметно кивнул:

— Понятно. Свободен.

С этими словами он снова взял со стола ручку, склонившись над бумагами.

Уже уходя, Мо Чэнь внезапно кое о чем вспомнил, резко обернулся и спросил:

— Глава, у Мо Сяобая скоро день рождения, вы... собираетесь в ближайшее время на Ближний Восток? Мо Яо сжал руки в кулаки, и его одинокая фигура отразилась в большом панорамном окне в мягком свете хрустальной люстры, отчего он казался еще более одиноким.

Он передвинулся, медленно приоткрыл ящик стола и снова закрыл его:

— Поезжай один, а перед отъездом загляни ко мне!

Мо Чэнь кивнул, открыл было рот, но тут же плотно сжал губы и молча вышел.

На самом деле он хотел сказать главе, что во время этой поездки на Ближний Восток заметил: выражение лица Мо Сяобая было каким-то странным. Тот говорил запинаясь, словно собирался расспросить о чем-то, связанном с главой, но в конце концов так ничего и не спросил.

Мо Чэнь сначала хотел доложить об этом, но, подумав, передумал: стоит ему только заикнуться, как глава снова начнет переживать!

Судя по состоянию главы, он больше ни за что не захочет возвращаться на Ближний Восток. К тому же Мо Сяобай целыми днями ведет себя беспечно — о чем он вообще может расспрашивать! И без того хватает забот в Мафии, так что лучше не заставлять главу тревожиться по пустякам!

Мо Чэнь тихо прикрыл дверь спальни и большими шагами направился в свою комнату.

Тем временем Мо Сяобай отбывал повинность на тренировочной площадке на Ближнем Востоке, витая в облаках и выглядя совершенно рассеянным. Последние несколько дней он едва находил себе место: во время тренировок его косые взгляды то и дело украдкой падали на Е Вэй, а сам он вел себя подозрительно, словно выслеживая кого-то.

Е Вэй подошла к нему и ухватила за ухо:

— Мо Сяобай, на что это ты пялишься? Глазки бегают, прямо как у воришки!

Мо Сяобай торопливо прикрыл ухо руками:

— Маами! Ни на что я не смотрю! Ничего не высматриваю! Ой, больно до смерти, маами, отпусти же скорее!

Е Вэй не поверила:

— Говори!

Мо Сяобай жалобно завыл:

— Мами, я правда ни на что не смотрю! Посмотрю только, каким послушным я стал в последнее время! Всегда бегу впереди всех и никогда не доставлял тебе хлопот!

Е Вэй немного подумала и отпустила его:

— Мо Сяобай, лучше тебе не затевать никаких грязных штучек! Иначе тебе не сдобровать!

Мо Сяобай потер горящую мочку уха, мгновенно сменив искривленное от боли выражение лица на лучезарную улыбку, и посмотрел на Е Вэй:

— Мами, как тебе мое поведение в последнее время?

Е Вэй призадумалась:

— Хм, сносно.

Мо Сяобай, лстиво улыбаясь, обвился вокруг ее руки:

— Мами, раз твой сын ведет себя так примерно и не совершил ни единой ошибки, не пора ли меня за это вознаградить?

Е Вэй подозрительно покосилась на него:

— Мо Сяобай, что ты задумал?

— Ой, мам! — Мо Сяобай капризно качнулся на ее руке. — Не будь такой серьезной! От этого ведь легко появляются морщины! Ну-ка, улыбнись скорее!

Е Вэй игриво пощипала его за щеку и вздохнула:

— Тьфу ты, Мо Сяобай, а твой батяня и я неплохо постарались, когда произвели тебя на свет! Погляди на эту твою физиономию — до чего же хороша!

Мо Сяобай горделиво задрал подбородок:

— Еще бы! Мами, я твой любимый сыночек, как я могу быть нехорош собой!

Е Вэй приподняла бровь: с чего это Мо Сяобай сегодня объелся белены?

Конечно же, следом Мо Сяобай выдал:

— Мами, тебе лучше даже не сравнивать себя со мной! В вопросах красоты мы с тобой из разных весовых категорий, так что не расстраивайся зря! Сравнивай себя лучше с папочкой! Впрочем, ты ведь тоже неплохо выглядишь! Более чем достойна папочки!

Глаза Е Вэй сузились, и она зловеще ухмыльнулась:

— Мо Сяобай, если ты посмеешь за спиной крутить какие-нибудь каверзные планы, я исцарапаю твою смазливую мордашку в клочья, чтобы она и впрямь стала нежной донельзя — так бы и треснула от одного прикосновения. Считаешь, я шучу?

Крошечное сердечко Мо Сяобая испуганно ёкнуло, он поспешно отступил на шаг назад, втянул

голову в плечи, обеими руками крепко прикрыл нежные щеки и, дрожа от страха, уставился на Е Вэй, всем своим тщедушным телом содрогаясь в ужасе.

— Мами! Обязательно быть такой извращенкой?!

Просто извращенка! Как можно покушаться на его прекрасную мордашку! Какое чудовищное кощунство! Возмутительно! — Мо Сяобай едва не плакал, обиженно и горько обвиняя Е Вэй.

Е Вэй скрестила руки на груди и искоса глянула на него:

— Мо Сяобай, есть вещи и похлеще, хочешь испытать?

Мо Сяобай замотал головой так резво, будто она болталась на пружинке:

— Мами, иди испытай это на папочке и старшей сестричке! Они наверняка любят такие крепкие ощущения! А твой сын предпочитает что-нибудь попроще!

Е Вэй удовлетворенно кивнула:

— Раз испытывать не хочешь, веди себя прилично! И тренируйся как положено!

Мо Сяобай тут же вытянулся по струнке и отдал ей безупречное воинское приветствие:

— Мами, будь спокойна! Я буду предельно сосредоточен!

Е Вэй удалилась, а Мо Сяобай показал ей в спину язык, скорчил уродливую гримасу и тихонько добавил:

— ...Как бы не так!

Он тяжело и разочарованно вздохнул: судя по всему, отпроситься открыто не удастся ни за что на свете. Каким же образом ему сбежать тайком?

Его сообразительная головка принялась лихорадочно соображать, он понурил голову в раздумьях, как вдруг его глаза вспыхнули — в мыслях созрел план. Его маленькая головка принялась лихорадочно соображать. Похмурившись и подумав какое-то время, он вдруг просиял — в его голове созрел план.

На следующий день, на рассвете, в джунглях.

Мо Сяобай бежал в хвосте колонны. Протянув руку, он притянул к себе чистую и милую девочку и вполголоса спроил:

— То, о чём я рассказывал тебе вчера, ты передала своему папочке? Он согласился?

Девочка, у которой на макушке покачивался высокий хвост, уперла руки в боки и кокетливо произнесла:

— Конечно, папочка согласился! Он же души во мне не чаёт! Только...

Мо Сяобай встревоженно спросил:

— Только что? Что сказал твой папа?

— Да ничего особенного он не сказал!

Заметив, что та явно недоговаривает, Мо Сяобай озадаченно приподнял брови.

Девочка прикусила нижнюю губу, решительно тряхнула головой и выпалила:

— Но, Мо Еянь! Если хочешь, чтобы я тебе помогла, для начала поцелуй меня!

...

Она уже давно заглядывалась на смазливую мордашку Мо Сяобая! В том возрасте, когда в сердце только пробуждаются чувства, разве нашлась бы в лагере хоть одна девчонка, которая не сходила бы с ума по его красоте? Кто из них тайком не пускал слюнки на Мо Сяобая?

И дело не только в девчонках — даже среди парней-курсантов вряд ли кто-то осмелился бы заявить, что никогда в мыслях не вождедел Мо Сяобая.

И всё из-за того, что этот тип обладал поистине дьявольской, соблазнительной внешностью! Раньше здесь оставались еще Мо Яо и Мо Чэнь: один — холодный, надменный и властный, другой — мягкий и нежный, словно нефрит. Они могли отвлечь внимание курсантов, но кто бы мог подумать, что эти двое один за другим выпустятся из лагеря!

Мо Яо ушел тихо, без каких-либо предзнаменований. Курсанты узнали об этом лишь спустя несколько дней, и в ту ночь, когда до них дошли новости, всхлипывания в женском общежитии не утихали почти до самого рассвета.

Они слышали, что Мо Яо покидал лагерь на рассвете, когда небо еще не посветлело, и каждая из них в душе горько жалела о том, что тогда уснула.

Не прошло и нескольких месяцев, как ушел и Мо Чэнь, окончательно разбив вдребезги девичьи сердца, превратив их в осколки стекла. Во всем лагере остался лишь такой драгоценный самородок, как Мо Сяобай. Курсантки целыми днями с замиранием сердца следили за ним, наблюдая за каждым его движением, до смерти боясь, что в один прекрасный день он тоже внезапно исчезнет!

Вчера под вечер Мо Сяобай пришел к ней обсудить побег, и девушка, не раздумывая ни секунды, сразу же согласилась! Она и в самых смелых мечтах не могла представить, что Мо Сяобай заговорит с ней по собственной инициативе да еще и о чем-то попросит!

Она пролежала без сна всю ночь, переполненная диким восторгом, и несколько раз едва не проговорила, желая поделиться радостью с подругами по общежитию, но каждый раз с трудом сдерживалась. Это был секрет — только её и Мо Сяобай, о котором знали лишь они двое.

Стоило ей подумать об этом, как она радовалась так, что не могла сомкнуть глаз всю ночь.

И вот теперь это чарующее лицо из её снов маячило прямо перед ней. Остальные курсанты уже давно убежали далеко вперёд, и в джунглях остались только они вдвоём: мужчина и женщина наедине, вокруг ни души... Девочка сглотнула слюну и звонко, во все глаза уставилась на него.

Мо Сяобай с дьявольским прищуром изогнул брови, лукаво улыбнулся и, наклонившись, поцеловал девочку в обе щеки, раскрасневшиеся, точно персики:

— Крошка, я поцеловал тебя дважды! Ты уж обязательно постарайся мне помочь!

Девочка одурманенно кивнула, замороженно глядя на алые губы Мо Сяобая.

Слегка приподняв уголки рта, Мо Сяобай коснулся собственных губ и шепнул ей на ухо:

— Крошка, если всё удастся, здесь тоже можно будет поцеловать!

Словно издеваясь, он легко сдул воздух с её миниатюрной мочки уха и с безупречным видом развернулся и ушёл, оставив девочку одну стоять в тишине джунглей с колотящимся, как птица в клетке, сердцем.

Поднимаясь на борт самолета, Мо Сяобай всё ещё размышлял: когда же он в последний прошлый раз видел главу? Кажется, прошло уже почти около года? Он впервые в жизни почувствовал, что время может тянуться так долго.

Мо Сяобай погладил карманные часы, висевшие у него на груди, и уголки его губ мягко изогнулись.

Когда Мо Чэнь пришёл навестить его в первый раз, он выпрямился во весь рост и ждал его прямо под окнами общежития. Возвращаясь с тренировочной площадки, Мо Сяобай увидел эту давно забытую высокую и прямую фигуру, и его сердце дрогнуло.

Мо Чэнь и Мо Яо были близнецами, их силуэты были невероятно похожи. Мо Сяобай с восторгом подбежал ближе, но, разглядев Мо Чэня, мгновенно помрачнел во взгляде и уныло спросил:

— Братец, почему это ты?

Заметив его разочарованный вид, Мо Чэнь вздохнул: мало того, что его общество никому не было нужно, так на душе ещё шевельнулось злорадное удовольствие — он словно отомстил за собственного главу:

— Мо Сяобай, а кого ты ожидал увидеть, если не меня?

Мо Сяобай зыркнул на него и промолчал.

Увидев, что тому нечего ответить, Мо Чэнь с удвоенным усердием язвительно продолжил:

— Что такое, Мо Сяобай? Глава — старший брат, и я — старший брат. Братья ведь одинаковые! Глава занят, разве не вполне нормально, что тебя пришёл навестить я? Чего ты расстроился? Чем недоволен?

Мо Сяобай тут же огрызнулся:

— Братец, и какой это у тебя глаз разглядел, что я недоволен?

<http://bllate.org/book/22270/2331517>